

Лиро-эпика П. Хузангая

Особая роль в становлении и развитии крупной стихотворной формы в чувашской поэзии принадлежит народному поэту Чувашии П. Хузангаю. Только в сборник «Поэмы» (1960) включено шестнадцать произведений поэта.

Первые его попытки эпического отражения действительности относятся к 1927 г. Летом этого года, по возвращении из Баку в Чебоксары, за три дня поэт написал поэму «Двадцать шесть», воспевающую подвиг 26 бакинских комиссаров. «В том, что он обратился к жанру поэмы, немаловажную роль сыграло творческое общение с С. Эльгером, который первым на чувашском языке успешно начал работать над сюжетными поэмами»¹. Здесь исследователь явно допустил ошибку, упустив из виду, что «Леший» М. Федорова является сюжетной поэмой, написанной еще в XIX в. В то же время М. Фетисов справедливо отмечает влияние С. Есенина и художника Г. Якулова. Верно и то, что П. Хузангаю «не удалось нарисовать достаточно полноцветные художественные образы»² бакинских комиссаров. Причиной тому были недостаточность как жизненного, так и творческого опыта поэта, слабое проникновение в суть жизненного процесса.

Новаторство П. Хузангая состоит в том, что он, продолжая традиции М. Сеспеля, смело внедрял силлаботонику в чувашскую поэзию, искал различные формы (пятистишие и катрены, анапест, рефрены и звуковые повторы, паузы и т.д.), чтобы показать пафос пореволюционной эпохи; использовал многоголосие, давая слово каждому персонажу, что позволяло остро и динамично раскрыть конфликт, внешние коллизии современного ему мира. Поэтому поэму «заучивали наи-

¹ Фетисов М.И. Народный поэт Чувашии П. И. Хузангай. Чебоксары: Чу-вашгосиздат, 1957. С. 118.

² Там же. С. 119.

зуть, о ней спорили, ее включали в программы массовых литературно-художественных вечеров, перепечатавали в сборниках и хрестоматиях»³. Такой же резонанс, кстати, получила и поэма М. Джалиля «Письмоносец» (1938).

В 1928-1929 гг. П. Хузангай написал две поэмы - «Хури» и «Поэт и миссионер», которые подверглись, на наш взгляд, несправедливой критике. В связи с тем, что литературоведение было идеологизировано, т.е. отсутствовало целостное постижение художественного смысла, доминировало одностороннее и прямолинейное истолкование различных форм общественного сознания как выражение интересов пролетариата и крестьянства в отрыве от гносеологического и эстетического познания.

Идеология соцреализма упрекает П. Хузангая, В. Митту, Я. Ухсяя и других в упадочничестве, мелкобуржуазности и богемности, национализме, забывая и не признавая, что искусство развивается по своим законам и его нельзя истолковывать в аспекте вульгарного социологизма. Это веяние времени проявилось во всех национальных литературах. К примеру, в татарской поэзии был подвергнут критике гисиянизм - романтическое течение 20-х годов, отразившийся в поэмах А. Файзи «Вихри» (1925), «Затерянные следы» (1925), «На пороге эпох» (1927), в творчестве Х. Такташа, М. Джалиля и др. Так было истолковано лирико-публицистическое произведение В. Митта «Сёрёмре» (В дыму. 1927), где поэт вслед за Сеспелем («Йывәр шухәшсем». Тяжелые думы), поднимает национальный вопрос, как истинный патриот чувашского народа бичует национальный нигилизм:

Камән сук пулхәрән юнё,
Кам хайне вырәслать,
Меттислать -
Ҙавә пирәншён пултәр йўнё,

Вӑл халӑхшӑн
Ирсӑр чысла!
У кого нет крови болгар,
Кто обрусел,
Метис -
Пусть он будет для нас дешевкой,
Для народа он
Без стыда и совести!

(Подстрочный пер. В. Родионова)

Дорого пришлось заплатить за свой истинный патриотизм поэту:
17 лет он провел в ГУЛАГе.

В 1930 г. увидело свет лирико-публицистическое произведение П. Хузангая «Паянхи поэма» (Сегодняшняя поэма), в которой поэт отобразил те сложные процессы, произошедшие как в экономике, так и в культурной сфере за 10 лет Чувашской автономии. Своеобразие поэмы определяется характерным для П. Хузангая многоголосием и стремлением, отталкиваясь от фактов, обобщать явления социальной действительности, сочетать лиризм и эпiku, использовать интонационно-ритмическое многообразие, афористичность. В произведении чувствуется влияние А. Блока и особенно В. Маяковского.

Поэт остро ощущал пульс эпохи, однако не всегда верно оценивал его. Уже во вступлении он пишет: «Хуплантӑр тӑрлӑ шӑпчӑк, роза!» (Пусть заглохнут соловьи, увянут розы), «Паян сӑршыври пролетарии, Писевсӑр, чечен рифмӑсемсӑр, Тӑвать ёмӑрлӑх эпохпей» (Сегодня в стране пролетарий, Без туши, без красивых рифм, Пишет эпопею века)⁴.

Как и в других национальных литературах, в 30-е гг. - годы развернутого строительства социализма - в центре внимания чувашской ли-

³ Хузангай П. Поэмы. 1960. С. 10.

тературы оказывается проблема положительного героя, воплощающего лучшие черты народа, его социальную и творческую активность в поступательном преобразовании жизни общества. В поэзию бурно врываются образы рабочих и крестьян, повседневные будни новостроек, обновляющегося села. Отсюда и тенденция к созданию широких полотен, укрупнению лирического жанра и, соответственно, использованию новых изобразительных средств.

В этот период происходит становление таких оригинальных поэтов, как П. Хузангай и Я. Ухсай, В. Митта и И. Ивник, А. Алга и другие, которые, создавая образ положительного героя, сами стремились быть в гуще событий. Так, П. Хузангай, побывав на одном из первенцев социндустрии, строительстве Магнитогорского металлургического комбината, пишет поэму-очерк "Магнитту" (Магнитгора. 1932), в которой стремится показать процесс формирования нового человека на фоне взбудораженной действительности, коллективного энтузиазма. Федор Юськашман, вчерашний житель села, попадает на Магнитку в поисках заработка. И он бы мог стать главным героем поэмы, если бы Хузангай показал внутренний мир героя во всех коллизиях, типичный характер в типичных обстоятельствах. Но, видимо, у поэта была другая цель, и образ Федора растворился на фоне панорамного изображения эпохи. Такова судьба, на наш взгляд, и у Таджи из поэмы "Седьмая печь" (1932) Ф. Карима, Хисмат из «Стальных потоков» (1930) Ш. Маннура в татарской поэзии. На этом фоне более удачным выглядит емкий, насыщенный образ Калли из поэмы "Перевал" (1930-1950) Я. Ухсая, конечно также не лишенный недостатков.

Причина неудач, на наш взгляд, - в ошибочной концепции личности эпохи социализма, когда человек подчинен обществу и государству и ценится только в этой зависимой связи: «Единица - вздор, единица - ноль, единица - кому она нужна...» (В. Маяковский). Поиск глав-

ного героя - активного строителя социализма, нового человека во всей полноте его конкретных качеств - в национальных поэмах не увенчался успехом, если брать по большому счету, да, наверно, и не мог в условиях репрессий в рамках соцреализма. Этому мешало и предубеждение против лиризма и эмоциональности в поэзии, обеднявшее духовный облик героя. В то же время в поэмах данного периода вырисовывается национальное своеобразие, проявляющееся и в образах представителей чувашского народа, и в картинах чувашского быта и родной природы, и в традиционном использовании фольклора, его художественно-изобразительных средств, и в раскрытии таких положительных черт национального характера, как трудолюбие, скромность, оптимизм, уважение к людям, смекалка и т.п. Лучшие образцы чувашской эпической поэзии этих лет, при всех их достоинствах и недостатках, не приемлют созерцательности, смело вторгаются в жизненный процесс, отличаются достаточно широким тематическим диапазоном, актуальностью, имеют социальную заостренность, характеризуются активной позицией авторов, выраженным лирическим началом.

Разработка героической жанровой разновидности в крупной стихотворной форме вслед за А. Петтоки и С. Эльгером, развитие и обогащение ритмико-синтаксическими и другими изобразительными средствами - явная заслуга П. Хузангая. Так, в поэме «Сёнтэру юрри» («Песня о Победе». 1945) поэт использует своеобразную форму: первая строфа состоит только из одной строки, вторая - из двустушия, в третьей - два трестишия и т.д. В последней строфе - 10 десятистрочных строф. «...Постепенное нарастание строк в каждой группе последующих строф, - справедливо замечает М. Фетисов. - помогает передать естественно растущее эмоциональное напряжение лирического⁴ повествования о тяжелой военной страде 1941-1945 годов»⁵. Сила По-

⁴ Фетисов М.И. Народный поэт Чувашии П. П. Хузангай. Чебоксары: Чу-вашгосиздат, 1957. С. 117.

беды - во всенародной любви к Родине, вот тот пафос, который пронизывает поэму от начала до конца.

В лиро-эпической поэме «Таня» (1942) П. Хузангай, как впоследствии Д. Кугультинов, достиг органического изображения духовного мира личности, создав типичный характер в типичных обстоятельствах. Немаловажную роль здесь сыграло использование поэтом образно-поэтической параллели с древней чувашской легендой о единоборстве Солнца «Хёвел» с ханом тьмы Упырем «Вупёр», с которой начинается поэма.

На наш взгляд, до и после П. Хузангай никому не удалось так мастерски раскрыть национально-историческое (героическое) жанровое содержание в чувашской поэме, как в поэме «Таня». В основе этого достижения - глубокое проникновение в конфликт двух концепций человека. Обращаясь к Родине, Таня клянется:

Чи аслă юрату вăл - эсĕ,
Чи аслă çилĕ вăл - тăшман.
Ăна тĕпрен çăлса илмесĕр
Телей те, канлĕх те çук ман.
Ты - моя главная любовь,
Враг- моя главная ненависть.
Пока его с корнем не уничтожу,
Не будет мне ни покоя, ни счастья...

(Подстрочный пер. В. Родионова)

Противоположную концепцию, бесчеловечную концепцию Хузангай раскрывает в сценах пыток: когда, несмотря на побои («Икçĕр çапрĕç. Хĕр чёнмерĕ»). Двести ударили. Девушка молчит), Таня не сказала ни слова, молодой немецкий офицер, не выдержав этой ужасной сцены, ушел.

Таким образом, более чем полувековой опыт чувашской поэтической поэзии показал, что национальной крупной стихотворной форме оказалось по силам решать задачи, которые ставило перед ней время.

В ней отразились социальная действительность порубежья веков и начала XX в., нравственные искания и пафос пореволюционных лет и эпохи созидания нового общества, историзм и самоотверженный героизм народа в годы Великой Отечественной войны.

Несмотря на военное лихолетье, только за 4 года чувашскими поэтами было опубликовано 16 поэм. Среди них «Таня» и «Песня о Победе» П. Хузангая, «Он бессмертен» С. Эльгера, «Сокол» А. Эсхеля, «Младший брат» Я. Ухсая, «Мать солдата» М. Уйга и другие, в которых нашли отражение острая публицистичность в органичном сочетании с задушевым лиризмом, авторское отношение к людям и событиям в жизни лирических героев.

* * *

Далее остановимся на таком жанре эпической поэзии, как *стихотворный роман*.

Сложная социальная обстановка пореволюционных лет потребовала конкретно-исторического подхода к осмыслению новой действительности. Идея зависимости искусства от состояния мира была выдвинута еще Гегелем. И переход к новому - эпическому - состоянию мира породил новое мировосприятие, обогатил содержание человеческой личности и ее взаимоотношения с обществом. Отсюда и потребность изменения и изображения характера художественного сознания в его социально-историческом аспекте, поиск новых форм, воплощающих процесс все большего сближения личности и общества, реализм и историзм национального мышления, что неизбежно и закономерно должно было породить роман. И не просто роман, а роман в стихах, что, как отмечал еще А. Пушкин, «дьявольская разница»! Хотя Г.

Хлебников предполагает, что «литературы, в которых были сильны поэтические традиции, видимо, легко справляются с романом в стихах, нежели с романом прозаическим»⁵, это отнюдь не так. Подтверждением тому - опыт и чувашской («Под гнетом» С. Эльгера, «Перевал» Я. Ухсая, «Род Аптраманов» П. Хузангая, «Земляки» А. Алга), и татарской («Красавица - дочь матушки-земли» Ш. Маннура, «По столбовой дороге» С. Баттала), и казахской («Слушаш» С. Муканова), и азербайджанской («Звезды» З. Халила) и других литератур.

«Каковы же главные специфические отличия романа в стихах от лирико-эпической поэмы?» - таким вопросом задается М. Фетисов, исследуя поэму П. Хузангая «Род Аптраманов». Пытаясь разобраться в особенностях этой родовой формы, пишет: «Разумеется, здесь нельзя исходить из объемно-количественных показателей: поэма меньше, а стихотворный роман больше по своему объему, по количеству глав или даже по числу героев.

Прежде всего, их жанровое различие определяется общественно-исторической значительностью изображаемых событий, эпической широтой, полнотой и глубиной образного отражения наиболее важных явлений народной жизни, протекающих во Времени, развернутой типизацией героев. Роман в стихах ближе стоит к эпосе, чем поэма, в нем многостороннее показываются картины судьбы народа, его действительных представителей. В стихотворном романе обязательно наличествует тенденция к энциклопедичности показа жизни в определенную эпоху».

Романное мышление, как убеждают современные литературоведы, следует прежде всего соотносить с личностью человека, что мы видим, к примеру, у М. Лермонтова в «Герое нашего времени». Одним из основных признаков романа является герой в развитии, его вну-

⁵ Хлебников Г. Я. Чувашский роман. С. 61

трение и внешние коллизии, процесс самопознания, благодаря чему суровый и беспощадный анализ подводит героя к истине, опережающей массовое общественное сознание, к пониманию исторической действительности.

Исследуя «Род Аптраманов», М. Фетисов пишет: «...Герои даны в процессе длительного развития своих национальных характеров»⁶, что не соответствует истине. Герои поэмы статичны, все - готовые характеры, все - положительны, без изъяна. Так, к сожалению, в жизни не бывает.

Обычно в основе темы и проблематики лежит конфликт, а характер его разрешения - один из основных факторов, раскрывающих идею. В «Роде Аптраманов», на наш взгляд, не отображены противоречия характеров, характеров и обстоятельств или различных сторон характера. Это не преминул заметить и сам автор:

Калёç акă: «Хирёç ўсёр!

Пёр конфликт шыра-ха, туп!

Ни кахал сын сук, ни ўсёр.

Ни усламăç сук, ни пуп...»

Скажут вот: «Нет противоречий!

Хоть один конфликт попробуй найти!

Ни лентяя нет, ни пьяниц,

Ни купца, ни попа...»

Следует отметить, что сам П. Хузангай в заключительной главе признает, что его «вещь» получилась торопливой, как время, и ей предназначено быть только временным скромным памятником героике современности.

К чести своей, М. Фетисов стремился тщательно выявить и недостатки «Рода Аптраманов». Это и отмеченные выше бесконфликт-

⁶ Фетисов М.И. Народный поэт Чувашии П.П. Хузангай. С. 190

ность и отсутствие развития героев, и слабая их индивидуализация, и фрагментарность отражения чувашской действительности, и композиционные неудачи (утрата внутренней взаимосвязи между отдельными главами, нарушавшая цельность повествования) и др.

Главный критерий ценности произведения - создание художественно достоверных характеров. Однако «в действиях персонажей не видно внутреннего, духовного преодоления огромных трудностей. Герои будто и не участвуют в войне духа, столкновении идей».

«Род Аптраманов», на наш взгляд, не стал все же романом в стихах. Произведение это похоже, скорее, на серию новелл, объединенных общей темой и героями. Тем не менее заслуга П. Хузангая на пути к роману в стихах очевидна. Поэту удалось достичь успеха в лиризме и психологизме, изображении национального своеобразия чувашского характера, быта и обычаев.

«Род Аптраманов» - *эпическая поэма, относится к героической жанровой разновидности*, в то время как «Перевал» Я. Ухсая тяготеет к *эпическому жанру*. При их исследовании это необходимо учитывать.

К сожалению, и Я. Ухсаю не удалось достичь желаемого: «Перевал» не является романом в стихах, даже исследователи в одной и той же статье это произведение называют то романом в стихах, то поэмой⁷, ничем не объясняя жанровое своеобразие произведения. Критики справедливо упрекали Я. Ухсая в недостаточном раскрытии характеров, отсутствии изображения их внутреннего мира, фактографизме и схематизме, излишней и детализации, которые заслоняют изображение⁸

⁷ Сироткин М.Я. Чувашская советская литература. Очерк истории. С. 331, 337.

⁸ Северова К. Перевал // Знамя. 1953. № 4. С. 190.

